

Когда Хан Сиэнь вошёл во дворец, у императора накопилось к нему великое множество вопросов. Однако владыка желал сохранить подобающее правителю величие, а потому неторопливо пригубливал чай, с самым невозмутимым видом дожидаясь, пока юноша заговорит первым.

Но стоило Хан Сиэню произнести первую же фразу, как император поперхнулся. Чай брызнул изо рта прямо на резной письменный стол; несколько капель попали и на драконий трон.

Евнух Юань Бао тут же подскочил к государю. Одной рукой он бережно похлопал его по спине, а другой — проворно налил чашу чистой воды, чтобы император мог прополоскать рот, когда наконец утихнет этот раздражающий грудь кашель.

Вдоволь откашлявшись, император унял першение в горле. Он достал шелковый платок, небрежно вытер губы и нос, а когда буря улеглась, швырнул испачканную ткань в руки Юань Бао. Уставившись на Хан Сиэня, чьё лицо по-прежнему не выражало ни единой эмоции, владыка спросил:

— Что ты только что сказал? Повтори-ка, сомневаюсь, что верно тебя расслышал.

На лице Хан Сиэня отразилась тень сокрушения.

— Ваш покорный слуга сказал, — послушно повторил он, — что это по моей вине пострадал Третий принц. А потому нижайше прошу Ваше Величество лишить меня титула наследника.

Не успел он договорить, как мимо его уха со свистом пролетела пиала для чая. Она вдребезги разлетелась о каменный пол позади него.

— А ты и впрямь посмел это повторить! — в гневе вскричал император. — Стопка донесений с требованиями лишить тебя титула наследника уже вымахала выше твоего роста, и все их я лично упрятал под сукно! И после этого ты заявляешь, будто сам желаешь отказаться от титула? Что, возомнил, раз за тобой числятся кое-какие заслуги, то у меня рука не поднимется тебя наказать?!

Хан Сиэнь сокрушенно покачал головой:

— Ваш слуга не дерзнул бы даже помыслить о подобном. Милость Вашего Величества навек запечатлена в моем сердце. Но это покушение открыло мне глаза: у меня слишком много врагов. Даже под сенью императорского покровительства я остаюсь под бдительным прицелом чужих глаз. Мы с Третьим принцем разделили невзгоды в Цзяннани, и я лишь хотел сопроводить Его Высочество в храм Вечного Покоя. Но злоумышленники воспользовались этим. Не окажись рядом молодой господин Бай, Третий принц пал бы от вражеского клинка, и одна мысль об этом повергает меня в трепет. Его Высочество — драгоценная кровь императора, а я, сколько бы милостей ни получал, остаюсь лишь слугой. В ранении принца есть моя прямая вина. У меня нет богатств, способных искупить этот грех, — лишь скромный

титул наследника. Поразмыслив, я решил просить Ваше Величество принять его обратно.

Император раздраженно фыркнул.

— Цзи Ло уже доложил мне о случившемся сразу по возвращении. Из его слов следовало, что нападение связано с вашим расследованием на юге. Отчего же у тебя это превратилось в преследование и слежку за твоей скромной персоной?

Хан Сиэнь не стал ничего скрывать. Он слово в слово пересказал все угрозы, звучавшие из уст нападавших, а затем добавил с оттенком искреннего возмущения:

— Ваше Величество, пусть порой я действую безрассудно, но я далеко не глуп. Из всех разоблаченных нами чиновников в Цзяннани — у кого достало бы влияния протянуть руки к самой столице? Пожалуй, лишь у генерал-губернатора Чжоу Мааня. Но обладай он подобной силой, меня бы лишили жизни еще там, на юге. К чему было ждать возвращения? Те убийцы действовали слаженно, отступали и нападали по первому знаку, они не ведали страха и без колебаний шли на смерть. Подобных бойцов не подготовишь за пару месяцев. Кто из цзяннаньских казнокрадов мог позволить себе содержать столь грозное войско? Откуда у них такие баснословные средства?

При этих словах император невольно вспомнил о золотых рудниках Цзяннани и покойном Чжоу Маане. Одно упоминание этого имени пробуждало в нем глухую ярость. Оказавшись за решеткой, бывший генерал-губернатор сперва пытался свалить всю вину на Третьего принца Цзи Ло. Поняв, что уловка не удалась, он принялся топить остальных сыновей государя, бросая тень на каждого. Но прежде чем Министерство юстиции успело вытрясти из него правду, Чжоу Маань свел счеты с жизнью, проглотив кусок золота.

Из-за этой оплошности император устроил Министерству юстиции жесточайший разнос, едва не лишив должности самого министра. Однако главный вопрос остался без ответа: в чьих бездонных карманах осело добытое на тайных приисках золото? Эта мысль терзала государя непрерывно.

Слова Хан Сиэня заставили в его голове вспыхнуть смутную догадку, но ухватиться за ускользающую нить никак не удавалось. Деньги открывают многие двери, и нанять людей на них несложно, однако обучить целую когорту преданных до гроба бойцов — задача совсем иного уровня.

Нападавшие на Хан Сиэня и Третьего принца наверняка были тайными мертвецами — преданными слугами, которых годами растили в неизвестности.

Они не боялись смерти, не знали пощады. Описание Хан Сиэня подходило идеально. Оставалось лишь понять, кто из принцев стоял за их спинами.

Государь отнюдь не был глуп. Цзи Ло во время доклада держался строго в рамках приличий:

излагал лишь сухие факты, не добавляя ничего от себя и не строя догадок. Но у самого правителя подозрения имелись давно, и теперь прямолинейность Хан Сиэня лишь подтвердила его худшие опасения.

Содержать армию преданных мертвецов мог лишь тот, кто метил на драконий трон. В этом император не сомневался ни секунды.

Хан Сиэнь искусно изобразил, будто не догадывается о мыслях государя. С самым серьезным видом он произнес:

— Ваше Величество, в моей душе зреет мысль, но я не знаю, дозволено ли мне высказать её.

Император лениво взглянул на него:

— Говори.

Хан Сиэнь сжал зубы, словно решаясь на отчаянный шаг:

— Прошу не счесть мои слова попыткой свести личные счеты, это лишь горькая догадка. Ваше Величество... не мог ли за этим покушением стоять сам герцог Хань?

Государь на мгновение усомнился в собственном слухе.

— Кто, ты сказал? — переспросил он.

— Мой отец. Герцог Хань, господин Хан Чжо, — твердо, не моргая, ответил Хан Сиэнь.

Император был поражен столь безрассудной отвагой. Некоторое время он молча разглядывал юношу, прежде чем обрести дар речи:

— С чего такие выводы? Тайное содержание верных мертвецов для любого подданного карается истреблением девяти поколений рода. Хан Чжо — твой родной отец. Не бросайся столь тяжкими обвинениями на ветер.

Хан Сиэнь покачал головой:

— Если это действительно его рук дело, то покрывать отца — значит предать Ваше Величество, а выдать его — совершить сыновний грех. С древности трудно соблюсти и верность владыке, и сыновнее благочестие. Но моя жизнь принадлежит императору, и Ваше Величество волен забрать её в любой миг. Я сужу по фактам: поместье герцога Ханя — это опора Пятого принца, его материнская родня. Мой третий дядя и его наложница оказались замешаны в деле о

золотых приисках. К тому же в прошлом наш дом держал в руках военную власть. Пусть позже её и вернули короне, но если сложить все части воедино, узор сходится слишком гладко.

Государь поджал губы и со вздохом покачал головой:

— Хан Сиэнь, Хан Сиэнь... Я знаю, что между тобой и Поместьем герцога Хань кошка пробежала, но негоже огульно вешать на герцога столь страшный грех. Хан Чжо можно упрекнуть во многом, но осторожности ему не занимать. За долгие десятилетия службы он ни разу не оступился так, чтобы позволить схватить себя за руку. История с Хан Пином — досадное исключение, да и тогда герцог поспешил отречься от брата, едва запахло жареным. Без единой улики я не могу воспринимать твои слова всерьез.

Император вовсе не стремился выгородить Хан Чжо. На первый взгляд доводы Хан Сиэня казались убедительными, но при ближайшем рассмотрении не выдерживали никакой критики. Хан Чжо провел в столице слишком много лет под бдительным присмотром короны. Государь недолголюбил его и разве что стражу у ворот его усадьбы не выставил. Решись герцог на подобное безумие, император давно стер бы его в порошок, не дожидаясь удобного случая.

Как бы правителю ни хотелось избавиться от старой знати, кичащейся заслугами предков, он дорожил своей репутацией и требовал неопровержимых доказательств. Он не мог уподобляться Хан Сиэню и карать по первому навету. Оставить в летописях память о себе как о жестоком и скором на расправу самодуре император точно не желал.

Хан Сиэнь нахмурился, изображая глубокую озабоченность:

— И все же я убежден, что перешел кому-то дорогу, раз меня решили убрать столь жестоким образом. Третий принц пострадал исключительно из-за меня.

Видя искреннее смятение юноши, император втайне радовался.

— Что ж, раз покушение затронуло тебя и Третьего принца, оставлять его без внимания нельзя, — заговорил он. Его тон стал заметно мягче, сквозь напускную строгость проступили вкрадчивые, искушающие нотки. — Дарю тебе особое право провести собственное расследование. Ищи виновных, Хан Сиэнь. И на кого бы ни вывел след, я обещаю прикрыть тебя. Согласен?

Хан Сиэнь поспешил выразить глубочайшую благодарность:

— Ваш слуга безгранично признателен Вашему Величеству за доверие. Я приложу все силы, чтобы сорвать маски со злоумышленников.

Довольный ответом, император благосклонно кивнул. Лицо его разгладилось.

Тут Хан Сиэнь выдержал паузу и с робким сомнением уточнил:

— Но если нити все же приведут в герцогское поместье... разделит ли ваш слуга участь обреченных на казнь родственников?

Император коротко усмехнулся:

— Опомнися? Что-то я не заметил страха в твоем голосе, когда ты распинаясь о верности государю секунду назад.

— Ваш слуга поддавался порыву гнева и высказал все без утайки. Лишь теперь я осознал собственное безрассудство, — со смущением пробормотал Хан Сиэнь.

— Свои слабости есть у каждого подданного, — покачал головой государь, хотя в его глазах скользнуло легкое недоумение. — Но заявить такое перед лицом императора... Пожалуй, лишь зная твою прямоту, я не велел страже утащить тебя на плаху. Другому бы эта дерзость стоила головы.

Хан Сиэнь тихо ответил вежливой и кроткой улыбкой, являя собой самую невинность.

Император прищурился, проницательно вглядываясь в его лицо, и как бы невзначай поинтересовался:

— Скажи, а насколько близок ты с Третьим принцем и генералом Бай Вэньханем?

Хан Сиэнь ответил без секундного промедления:

— Наше общение с Третьим принцем ограничивалось заботами о цзяннаньском наводнении. Моя репутация в столице оставляет желать лучшего, и Его Высочество — едва ли не единственный, кто не чурается перемолвиться со мной парой слов. Что же касается генерала Бай Вэньхана, то мы с ним едва знакомы. Мне доводилось несколько раз сталкиваться с его младшим братом, Бай Шу. А сам генерал, судя по всему, недолюбливает вашего слугу.

— Надо же, сам понимаешь, — негромко проворчал император. Заметив вопросительный взгляд юноши, он поспешно кашлянул в кулак и напустил на себя строгий вид: — Как бы то ни было, в этот раз генерал Бай спас вас с Третьим принцем от верной гибели. Вы обязаны отблагодарить спасителя как подобает.

— Отблагодарить? — переспросил Хан Сиэнь. — Боюсь, генерал Бай не слишком обрадуется частым визитам. Он командует войсками, Его Высочество — принц крови. Излишнее сближение между ними неизбежно породит кривотолки и подозрения.

Император лишился дара речи. Он вспомнил, как заводил этот разговор с Цзи Ло: принц тогда выглядел донельзя растерянным, не желая сближаться с военными, но не смея перечить отцу. И вот теперь Хан Сиэнь преспокойно высказал те же опасения вслух, ничуть не заботясь о придворном этикете.

Почувствовав легкую головную боль, император устало указал на дверь:

— Ступай с глаз моих. Вон.

Хан Сиэнь не заставил просить себя дважды. Он почтительно откланялся, но у самого порога все же обернулся и полюбопытствовал:

— Ваше Величество, а вести расследование мне открыто или тайно?

Император лишь досадливо отмахнулся, зажав виски ладонями.

Стоило Хан Сиэню покинуть пределы дворца и сесть в экипаж, как с его лица сошли все эмоции. Взгляд сделался холодным и отрешенным. Сегодняшний визит преследовал две ключевые цели: во-первых, развеять подозрения государя о возможном заговоре между ним, Третьим принцем и родом Бай; во-вторых, заполучить императорское соизволение на ведение дела о покушении.

Теперь, когда высшее дозволение было у него в руках, именно он решал, на чью голову обрушится этот карающий меч. И если придется пробить брешь в самом небосводе, последнее слово останется за ним.

Да, Хан Сиэнь не цеплялся за жизнь. Но это вовсе не значило, что он позволит безнаказанно проливать свою кровь, а после великодушно простит обидчиков.

К тому же, едва успев расплатиться по старым счетам с Бай Шу, он вновь оказался у него в долгу за спасенную жизнь. Тогда, на юге, Бай Шу тоже пришел на помощь в критический момент, но Сиэнь был уверен, что сумел бы выкрутиться сам. Главное — в тот раз молодой воин не пострадал.

Бай Шу обладал превосходными боевыми навыками и с легкостью мог уклониться от любого выпада. Но перед глазами Хан Сиэня раз за разом всплывала одна и та же картина: как тот в панике поймал голый ладонью обнаженный клинок, спасая его от удара. Этот образ преследовал его все последние дни.

У Хан Сиэня крепло предчувствие: если он не добьется справедливости ради своего спасителя, этот долг привяжет его к здешнему миру намертво, лишая покоя.

Подобные мысли вызывали у него глухое раздражение. Он не терпел оставаться в долгу, а значит, эту услугу следовало вернуть во что бы то ни стало.

Вернувшись в поместье герцога, Хан Сиэнь не стал возвращаться во дворик Душистых Орхидей. Превозмогая слабость в истощенном теле, он впервые по собственной воле направился на поиски Хан Чжо. Выяснилось, однако, что герцог сейчас находится в покоях старой госпожи.

Поразмыслив, Сиэнь свернул туда. Служанки у дверей при его появлении попытались было преградить ему дорогу, но Хан Сиэнь лишь едва заметно вскинул бровь и смерил их ледяным взглядом. Девушки замерли от ужаса, лишившись дара речи, и торопливо опустили на колени.

Не обращая на них внимания, он неторопливо перешагнул через порог.

Внутри царила тяжелая атмосфера. Хан Сю плакала, преклонив колени у ног старой госпожи, а Хан Шу, раскрасневшись от гнева, так и сыпал проклятиями. Хан Чжо сидел чуть поодаль, безучастно наблюдая за семейной перебранкой, однако в глубине его темных глаз затаилась зловещая стужа.

С появлением Хан Сиэня ссора мгновенно утихла.

Хан Сиэнь пренебрег даже малейшими намеками на сыновнее почтение. Прямо с порога он посмотрел на отца и без обиняков произнес:

— Я только что вернулся из дворца. И сообщил Его Величеству, что за недавним покушением на мою жизнь стоит поместье герцога Ханя.

Присутствующие не сразу осознали смысл сказанного, но Хан Чжо мгновенно побелел. Рука его дрогнула, он резко вскочил с кресла, пошатнувшись от хлынувшей к голове крови. Ткнув в сторону сына дрожащим пальцем, он выдохнул:

— Что... что за чушь ты несешь?!

«Нападение действительно было моих рук делом, но я был убежден, что не оставил ни единой зацепки. И вдруг эта безумная ищейка без тени сомнений вешает вину на собственный дом, да еще и доносит государю! Подобное обвинение грозит плахой всему роду до девятого колена. Как он посмел?! Тварь, заслуживающая самой мучительной смерти!»

Хан Сиэнь, без труда улавливая лихорадочные мысли отца, с мягкой усмешкой возразил:

— Но если бы я сам не пришел с повинной, как иначе рассеять подозрения государя? В конце концов, тень подозрений на наше поместье ложилась слишком явная.

— Государь никогда не поверит твоему пустому навету! — Хан Чжо понемногу справлялся с потрясением.

За долгие годы при дворе он успел досконально изучить нрав правителя. Император дорожил репутацией справедливого мужа и никогда не карал без веских доказательств — именно это знание позволяло герцогу годами балансировать на краю пропасти.

Однако его терзал другой вопрос: ради чего Хан Сиэнь затеял эту игру? Юноша питал лишь глубокую ненависть к отчому дому. Если император заведомо не поверит его обвинениям, то Сиэнь, по сути, лишь оградил герцогское поместье от подозрений, выставив себя лжецом.

«Зачем ему спасать тех, кого он презирает всей душой? Неужели он решил протянуть нам руку помощи?»

Хан Чжо окончательно запутался. В благородство Хан Сиэня он не поверил бы и под страхом смерти.

<http://bllate.org/book/20088/2002041>